

Мавринский Илья Игоревич

кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры онтологии
и теории познания
Санкт-Петербургского государственного университета

МЕТАФОРА ПУТИ И НЕОБХОДИМОСТЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Аннотация:

Статья посвящена анализу тенденции, берущей свое начало на рубеже XIX – XX вв., к переосмыслению истоков западноевропейской мысли. В качестве базовой оппозиции берется оппозиция возвращения и пути, где первое предполагает возвратно-рефлексивное, тогда как второе – реализующее ту или иную необходимость движение. В результате необходимость возвращения обосновывается как одна из основных черт современной мысли.

Ключевые слова:

возвращение, метафора, метонимия, дискурс, субъект, граница, бытие.

Mavrinsky Ilya Igorevich

PhD in Philosophy,
Senior Lecturer, Ontology and Theory of
Knowledge Department,
Saint Petersburg State University

THE METAPHOR OF JOURNEY AND THE NECESSITY OF RETURN

Summary:

The article analyzes the tendency of reconsideration of the Western European thought sources, which originated at the turn of the XX century. The opposition of journey and return is taken as a basic one. The return supposes the reciprocating reflexive movement, while the journey implements any given necessity of movement. Thus, the necessity of return is substantiated as one of the key features of the modern thought.

Keywords:

return, metaphor, metonymy, discourse, subject, boundary, being.

Требование или указание на необходимость возвращения, мыслимого как оппозиция кьеркегоровскому повторению, является одной из основных черт современной мысли. Обнаруженная невозможность повторения как воспроизведения, репродукцирования, движения памяти обнаружила целый ряд пластов, контекстов, структур как утраченных из горизонтов познания, существования, действия. Череди провозглашаемых возвращений может быть условно разделена на тематические (к вещам – Э. Гуссерль, смыслу вопроса о бытии – М. Хайдеггер, забытым теоретическим дискуссиям – Н. Гартман) и исторические (к досократикам – М. Хайдеггер, эллинистическим школам, классической эпохе – М. Фуко, Новому времени – Ж. Делёз) возвращения.

Общим местом обоих типов возвращения является указание на генетический момент утраты, трансформации, подмены, задающий путь к той точке современности, в которой возвращение обнаруживает себя как необходимость. Указание на исток современного состояния – тот исторический или тематический сдвиг, который стал отправной точкой в движении утраты, потери, забвения – обнаруживает себя в качестве моста между историческим и тематическим. Так, возвращение к вещам предполагает критику понятийного познания и субъект-объектной оппозиции, то есть отсылает к Новому времени: «Гуссерль считает, что Декарт добрался только до порога трансцендентального его, но не сделал последнего, самого важного шага, для того чтобы туда войти» [1, с. 28–29]. Забвение вопроса о бытии указывает на преимущественную тематизацию сознания, выдвигая проект деструкции новоевропейской метафизики, проводимой «по путеводной нити бытийного вопроса деструкции наследованного состава античной онтологии до исходного опыта, в каком были добыты первые и с тех пор ведущие определения бытия» [2, с. 38].

Восстановление утраченных теоретических вопросов ведется в контексте критики «рефлексивной установки», из которой философия «уже не находит обратного пути к естественному отношению к миру: она перетекает в чуждые миру критицизм, логицизм, методологизм или психологизм» [3, с. 163].

В свою очередь, возвращение имеет в качестве оппозиции понятие пути, тематизируемое как в контексте критики концептуализированного способа трансформации западноевропейской мысли (историцизма и позитивизма – М. Фуко, концептуальной целостности – Ж. Делёз, Ф. Гваттари), так и в контексте возможной реконструкции истока, дающего доступ к тому или иному предметному полю (концепт слоев реальности Н. Гартмана, герменевтические ходы М. Хайдеггера). Путь оказывается тем, что может быть пройдено «в обратном направлении» или обнаружено как пространство возможных расхождений, совершенных выборов. В обоих случаях в истории мысли обнаруживаются следы, с одной стороны допускающие возможность возвращения, а с другой проблематизирующие способы их обнаружения. Возвращение оказывается и тем, что завершает путь как некоторое движение от истока к современности, и тем, что отрицает его как неизбежность пройденного, переопределяет и в этом отношении конституирует заново. Сам путь здесь

оказывается неким регулятивом, необходимым в процессе рефлексии исторического, но не определяющим само историческое.

Столкновение современности и необходимости возвращения в таком случае обнаруживает себя в движении от нехватки, утраты, потери через то, что составляет реальность современности, ее проблематическое поле, пространство неопределенности, к утраченному, отсутствующему, преднаходимому. Следы утраты ищутся в языке, повседневных практиках, концептах, восстанавливая пласты реальности и устанавливая череду поворотов (онтологический, лингвистический, иконический). Иными словами, возвращение вовсе не реконструирует путь, пройденный мыслью, но открывает возможность иного пути, то есть становится новым истоком, точкой отсчета, системой координат, в которой обнаруживает себя мысль как таковая. Возвращение как оппозиция пути выводит на первый план направление, в котором движется мысль.

Направление движения по пути и обозначает то, чем путь является. Прямое движение, движение от истока обнаруживает путь как реальность, необходимость которой задает и порядок ее реализации, выстраивая ряд метонимий. Так, характеристики Парменидовского бытия, с одной стороны, оказываются проблемой греческой мысли, с другой – критериями, по которым определяется принадлежность к бытию. Такое же движение обнаруживается и в ситуации *sogito* или при разработке языка: нечто, обнаруживающее себя в качестве способа определения реальности, задает базовое проблематическое поле, совпадающее с описанием (характеристиками) указанного способа определения реальности, а разработка проблематического поля обнаруживает порядок критериев, по которым определяется принадлежность к реальному. Автономия характеристики реальности, получаемая в ходе разработки проблематического поля при сохранении горизонта связи указанных характеристик, и позволяет говорить о метонимическом понимании пути, взятого в его разворачивании от истока. Метонимия как способ презентации и репрезентации реальности через утрату контекста, распадение связи с другими метонимиями редуцирует содержание. Именно редуцированное содержание и составляет тот концептуальный пласт, из которого обнаруживает собственную необходимость возвращение, то есть лежит в основании обратного (не прямого) прохождения пути. Обратное движение (возвращение) обнаруживает путь как метафору: связи и переходы прямого движения переопределяются, в реконструируемых и анализируемых целостностях появляются новые доминанты, расставляются другие акценты в системах концептов и описаний. Путь оказывается тем, что ведет к определенной точке, определенному состоянию или положению дел, то есть утрачивает характер реального движения. Представление пути оказывается в таком случае подчиненным определенному видению движения, будь то понятие прогресса или нелинейности, описываемой через концепты эпистемы, парадигмы, истории. Это позволяет поставить вопрос о том, что делает путь метафорой, что скрывает это содержание реального движения, что оказывается утраченным в процессе тиражирования смысла «путь». Для понимания этого необходимо обратиться к самой метафоре пути, посмотреть, какие следы хранит она в себе.

Первое, что мыслится в метафоре пути – начало в качестве и отправной точки, и проблемы собственной реконструкции, и рефлексивного момента того, с чем будет соотноситься дальнейшее выстраивание пути как целого. Применительно к движению мысли отправная точка обнаруживает себя как событие открытия способа определения реальности. Движение мысли оказывается неоднородным, обнаруживая переход от одной системы целостностей, внесения определенности, установления порядка к другой. Проблема реконструкции оказывается в таком случае и проблемой фиксации этой точки, не всегда однозначно проявленной в истории мысли, сохраняемой или заметной в ней, и проблемой удержания того горизонта событийности, в котором движение все еще сохраняет принадлежность способу определения реальности. В свою очередь, рефлексивный момент обнаруживает необратимый порядок движения: то, что выведено к осознанию, может быть представлено в виде системы, допускающей свободное движение от одной ее части к другой, однако обнаруживает невозможность достижения состояния, предшествовавшего выведению к осознанию. Здесь возвращение обнаруживает себя как обретение утраченного в актуальности, всегда окрашено моментом настоящего, его проблематикой, интенциями, неопределенностью. Возвращение вовсе не претендует на аутентичность тому, к чему оно (возвращение) осуществляется.

Начало в таком случае представляет собой и понятийный или категориальный срез: способы выражения события, описания реальности, введение проблематического поля. Именно здесь коренится «подписной» характер философии, отличающийся от «подписного» характера науки или искусства и открывающий различие в языках, которыми пользуются названные дисциплины: «Из фраз или их эквивалента философия добывает концепты (не совпадающие с общими или абстрактными идеями), тогда как наука – проспекты (пропозиции, не совпадающие с сужде-

ниями), а искусство – перцепты и аффекты (также не совпадающие с восприятиями или чувствами)» [4, с. 31]. Начало как то, что мыслится в метафоре пути, в таком случае оказывается тем, что задает целостность пути, принадлежность различных движений одному процессу, тем, что связывает смысловые линии, позволяет распознать происходящее как относящееся друг к другу посредством принадлежности к одному способу определения реальности.

Второе, что относится к метафоре пути и мыслится в ней, – то, что обозначается понятиями прохождения, линии, границы, траектории, то есть отсылает к движению. Центральным здесь оказывается понятие границы. Движение должно быть ограничено в отношении собственного начала и завершения, что тематизировалось нами выше как возвращение; в отношении способа собственного разворачивания, на что указывает критика способов трансформации западноевропейской мысли; в отношении выделяемых фаз, контрольных точек, возможных расхождений. Движение полагает границу, что применительно к мысли означает задачу ее (границы) преодоления.

Именно преодоление границы оказывается тем, что связывает теоретическое измерение переосмысления западноевропейского наследия с этическим измерением трансформации субъективности. «Подписной» характер философии обнаруживает движение мысли как реализацию субъективности, такой способ работы с предметностью, в котором стратегии внесения определенности, представление и описание предметности, типы доступа к ней обнаруживают изменение ответственности.

Разумеется, попытка возвращения, чреватая трансформацией субъективности, также является движением, то есть полагает границу, которая, в свою очередь, подразумевает собственное преодоление. Таким образом, метафора пути оказывается метафорой дискурса, который предполагает множественность движений, отсылающих друг к другу, связанных в некоторой ризоматической целостности, прочерчивающих пространство практик и ограничивающих спектр возможностей, образующих тот или иной возможный мир. В этом отношении требование возвращения обнаруживает себя как требование выхождения за границы всегда уже имеющего место дискурса, обнаружения нового начала, способа определения реальности, которое, разумеется, вновь пройдет путь от ряда метонимий к пространству метафор. Иными словами, дискурс, имеющий в виду трансформации субъективности, требует собственного потенцирования, тяготеет к тому, чтобы стать предельным, то есть находится в оппозиции всем остальным дискурсам и дискурсивным практикам. Предельный дискурс – это способ перевернуть само движение, сделать, наконец, его настоящим своим и отбросить его, ведь «лишь тогда он правильно увидит мир» [5, с. 75].

Ссылки:

1. Слинин Я.А. Э. Гуссерль и его «Картезианские размышления» // Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1998. 352 с.
2. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2003. 447 с.
3. Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб., 2003. 338 с.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М., 2009. 262 с.
5. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1999. 127 с.

References:

1. Slinin, JA 1998, 'Husserl and his "Cartesian thinking"', *Husserl E. Cartesian thinking*, St. Petersburg, p. 352.
2. Heidegger, M 2003, *Being and Time*, Moscow, p. 447.
3. Hartmann, H 2003, *By fundamental principle of ontology*, St. Petersburg, p. 338.
4. Deleuze, G & Guattari, F 2009, *What is philosophy?*, Moscow, p. 262.
5. Wittgenstein, L 1999, *Tractatus Logico-Philosophicus*, Moscow, p. 127.